

ЦЕРКОВЬ И ОБЩЕСТВО

Ваше Святейшество, честные отцы, уважаемые коллеги.

Осмелюсь предложить собравшимся некоторые соображения о том, как сегодняшнее церковное состояние соотносится с нашим историческим прошлым. Я надеюсь, они окажутся бесполезными.

Во время жестокого кризиса в России, который порази всех нас и в котором виновны все мы, нельзя не оглянуться на прошлое, десятилетиями и даже веками подготавливавшее этот кризис. Русская Православная Церковь тоже вложилась в это бедственное течение и тоже разделяет ответственность за сокрушительное историческое поражение русского народа, испытанное и испытываемое им в XX веке.

250 лет преследования единоверцев

Глубоко убежден, первая роковая трещина в нашем хребте, первый жестокий удар по нашему духовному и национальному сознанию мы нанесли себе губительным расколом XVII века, безоглядно жестокими карами государственной и церковной властей в отношении к миллионам вернейших и трудолюбивейших своих подданных. Это жестоко, истительное преследование своих единоверцев продолжалось — невероятно вымолвить! — 250 лет, до 1905 года, и прекращено было не от раскаяния той или иной власти, а от общего сотрясения России — уже предвестника конечного обвала. Скоро пройдет с того года еще столетие, и подымаются ли мы до того, чтобы наконец просить прощения у гонимых? Нет, в разных ветвях нашей Церкви решается только простить их, гонимых, и снять с них анафему. Одна эта историческая борозда обнажает, насколько же мы не гибки сознанием и насколько же не созрели до широкогодушия.

Мы и понесли свою расплату. Под имперской дланью правительства Церковь пригнетено теряет свою независимость и свой духовный авторитет. Наша Церковь, вслед за потерей большей части образованного класса, стала в конце XIX века и в начале XX-го терять верующих в самой основной и преданной части народа — христианской, в селе, не говоря уже о простонародье городском. Это нравственное падение уже тогда открылось внимательным взором, а с приходом революционных лет стало питательной почвой, поставщиком кадров молодежи, так потребной революционерам для их разрушительных действий.

Духовное падение совпало с духовным возрождением

Низшей точкой падения самостоятельности Русской Православной Церкви, унижением ее видится мне февраль-март 1917 года, когда церковные иерархи, Святейший Синод, запутанный политическим и идеологическим ветром эпохи, не только не нашли в себе стойкости преградить путь развала России, сказать свое громкое гласное НЕТ, но послушно включились в игру февральских эсдоднеков и даже в пошлую их терминологию. К счастью, от этого низшего мира начался уже и подъем церковного духа, и возмужавшие народные выборы митрополитов Тихона и Вениамина, и начало заседаний Поместного собора, оставившего нам наследство, и по сей день драгоценное, еще во многом не использованное.

Однако это начавшееся духовное возрождение уже тогда непорочно отставало от стремительного хода революционных сотрясаний в России. Да, в коммунистических зверствах 20-х годов Русская Православная Церковь выставила сотнями и тысячами мучеников, отдавших жизнь бесколебно за веру, с душевной твердостью античных перхерхристиан. Их пример, крепость и правота их духа — завет нам и свидетельство, что живой поток веры не пресекался в русском народе после Серафима Саровского на все десятилетия массового обезбоживания.

Однако на поверхности, для мирового обозрения видится другое: большевики грабили алтари, закрывали и оскверняли десятки тысяч храмов, сотни монастырей и лишь в 1918-1920 годах встретили разрозненные попытки сопротивления, а

Русская мысль - Париж - 1996 - 7 марта - с. 16.
Александр Солженицын

Выступление на «Рождественских чтениях»

(Москва, 21 января 1996)

в последующие десятилетия, при полном разорении и омертвлении православного лика страны, наш народ не имел уже воли сопротивления. Зато в каждом селе находился доброволец взлезть на купол храма и сшибить крест. И в глазах всего мира так и висит над нами повторяющийся укор: "Как же ваш народ все это допустил? Значит, он сам этого хотел?" Тем, кто не пережил нашего ада, и объяснить невозможно. Снаружи и издали было незаметно, что именно это большевистское гонение на Церковь и отбирало и закаляло подлинно верующих, готовых на жертву или даже смерть за веру.

Хорошо помню по своим мальчишеским впечатлениям, как в конце 20-х годов именно эта атмосфера преследования Церкви создавала притягательность посещения церковных служб, расправляла душу. Конечно, массовое отпадение от христианской веры — это процесс мировой, и длится уже не первое столетие. Русский народ миним авангардный в нем. Но сложилось так, что именно у нас большевистское глумление столь кричаще выявило мерзость той пропасти, в которую пал народный дух.

Однако, чтобы не сваливать все происшедшее на силу внешнего, относительного христианства, надо самоответственно спросить, а в чем мы сами подготавливали этот провал. Из первых вопросов, встающих тут, это вектор неотмирности, он органически присущ христианству, — но в уклонении русского православия от мира сего не было ли избыточного перекоса? Верна ли была почти принципиальная внесоциальность православия или, точнее, не только преимущественная, но и почти всецелая обращенность православия к воздействию личностному? Это не раз отмечали наши мыслители. Бердяев писал: "Православие не воспитало русского человека для исторической жизни, для самостоятельности и дисциплины". Иван Ильин: "Народное самочувствие еще от Московских Руси таково: мы храним единственную веру, и нам нечего перенимать у других. Но это церковное национальное самонаимение, неподвижность бытия и сознания — опасная духовная инерция".

Общественная активность Церкви

Изучая революционную русскую историю, можно увидеть, что у нас было в арсенале как будто только два общественных ответа: или отслужить молебен, или отслужить панихиду. В таких двух поворотных точках истории, как убийство Александра II и убийство великого реформатора П.А.Столыпина, разве мы отреагировали на злодейство усилием продолжить и развить реформы? Нет, только панихидами. Считали ли современники, что это освобождает их от действий, а на судьбоносный урок самонаимения поражения в 1914 году мы и панихидами не отозвались, но перекрестили ликованием о прибытии в ставку чудотворной иконы.

Посмотрите, как социально энергичны и католичество, и протестанство, и ислам, и иудаизм. Они активно участвуют в общественной жизни верующих. Конечно, и русская дореволюционная Церковь создала по стране сеть богаделен, приютов, строила православные прославленные впоследствии больницы, и все же лишь православие разрешило себе чрезмерно ослабить внимание к земной жизни, в помышлениях о мире ином, и посмотрите, как большевики острее всего боялись и запрещали именно социальное проявление нашей Церкви. Уже уступив с сороковых годов и часть храмов, и право богослужения внутри храмов, они жестоко подавляли всякое церковное движение из храма в общество, в быт, даже в благотворительность. А уж в нашем сегодняшнем, невиданном смятенном обществе, при нашей потере сознания не только в духовной, но и в общественной жизни, когда в стране не стало уже почти никаких организованных сил, истинно озабоченных судьбой России, ко-

гда народ нуждается в помощи Православной Церкви, положительной активности ее, выходящей за пределы лишь приходского благополучия...

Конечно, принимая решение вести активную социальную жизнь, Русская Православная Церковь вынуждена определить и ряд конкретных дозволений и ограничений. Так, решением Архиерейского собора декабря 1994 года запрещено участие священников в политических партиях. И это не вызывает сомнений. Но тот же собор запретил священникам и личное участие в законодательных органах, это уже можно оспорить. В последних дореволюционных Государственных Думах бывало по 20 и больше депутатов-священников, и их присутствие и деятельность влияли на Думу в положительную и благотворную сторону. А сегодня, кроме центральной Думы, существует законодательное собрание в областях, иногда и в районах, надеюсь, разовьется и земство, и практическое участие в них священства может дать благосные результаты. Зачем же надо лишать окружающую жизнь прямого воздействия на нее священства?

Последний Архиерейский собор постановил активизировать сотрудничество Церкви со светской прессой, радио и телевидением. Эта форма могла бы оказаться и весьма благотворной, но только при исключительной осторожности ее использования. Всякое злоупотребление ею, всякий переклон в сторону показности, например, целых служб с присутствием высших гражданских чинов со свечами в руках, может только оплошнить результат.

Сложнее вопрос об отношении Русской Православной Церкви к российской правительству. Нечего и говорить, что никогда уже не возобновится соотношение дореволюционное, не надо его добиваться. Но насколько вообще Церкви следует держаться за государственную руку и поддержку? Это и в самые благосные времена не усиляет духа Церкви. И безусловно ослабляет ее позиции в глазах народа, особенно неверующей части его. Тем не менее это желательно в наше смутное время, когда правительственные органы не владеют реально обстановкой в стране и еще менее того пользуются доверием и симпатией народных масс.

Вступая в великий подвиг помощи русскому народу в его духовном и физическом возрождении, особенно в нынешний момент, который Его Святейшество справедливо охарактеризовал как "мировоззренческое растерянность, духовный вакуум", заполняемый безнравственностью псевдкультуры, наша Церковь должна обрести мужество, укрепиться самостоятельной силой в стране. Тесное сотрудничество с правительством еще более затрудняется для РПЦ тем, что российское государство ныне держится за фальшивую форму федерации, исторически не присущую России, никогда в ней не бывавшей, — наследие ленинского плана подавления России, форму, как бы вырывающую прочь из России обособленное пространство, форму тем более нелепую, что русские составляют в стране подавляющее большинство — 82% населения.

Государство и Церковь

Другая сторона — каковы остаются обязанности российского государства относительно Православной Церкви. Всесовершенно и всемирно признано, что всякая Церковь должна быть отделена от государства. Но в нашей специфической советской и постсоветской обстановке этот тезис усиленно толкуется в том смысле, что Церковь должна быть полностью вытеснена из общественной жизни: впрочем, такое же мнение овладевает и Соединенными Штатами, укрепляется и в некоторых европейских странах. Однако отделение Церкви от государства никак не означает отделение Церкви от общества.

И еще одна сторона. Церковь отделена от государства, но может ли наше

российское государство позволить себе быть отделенным от христианской этики, от порожденной православием национально-культурной русской традиции? Да еще после того исторического груза злодейств, которые государственная власть в нашей стране 70 лет совершала по отношению к Православной Церкви, длительное всего и жесточее всего именно к ней. Да, Церковь почти повсюду в мире отделена от государства, но духовная традиция не подвластна юридиксму. И ни у кого сегодня не вызовет протеста выражение "Франция, Италия, Испания, Литва — католические страны" или "Католическая Церковь — душа Польши", однако с негодованием будет в публичности воспринята фраза "Православие — душа России", хотя именно из православия и на православии выросла Русь.

Христианские конфессии должны сотрудничать в противостоянии мировому атеизму

При всеизвестном уже общем мировом падении христианства в нашу эпоху (пишет, например, что в Германии в недавнем опросе 40% не могли объяснить, в чем суть праздника Рождества), казалось бы, все отдельные ветви его, отдельные христианские конфессии должны бы дружески сотрудничать в противостоянии мировому атеизму — и уж никак не конкурировать, не стараться отобрать влияние друг у друга.

Но именно это происходит сейчас на территории России. И протестанство, и католичество с энергичным напором устремились завоевывать верующих в нашей стране, хотя насколько естественное было бы им усилить заботу о пастве, терпящей в своих странах, где церкви часто пустуют. И неужели такая агрессивная конкуренция — в духе примитивного экуменизма? Как тогда понимать слово "экуменизм"? Да, конечно, при высокой снесенности юридических представлений нашего века все имеют равные права на всё. Но как часто это равенство оказывается минимом, если оно не подкреплено презренным металлом, так и в нашем случае, после семидесятилетнего, также и материального разгрома русского православия, при его нынешней материальной бедности, какие равные возможности могут быть при валютном перевесе иностранных проповедников, покупающих длительные телевизионные программы или финансирующие свои организационные структуры на территории России?

Все мы, в том числе и наше государство, ответственны и перед русской историей, и перед русской культурой, в которой вклад православия несравним с вкладом других вероисповеданий. Всю глубину и объем нашего бытия нельзя определить одними лишь юридическими мерками. Проблема тем более обостряется, когда речь идет о религиозных или псевдорелигиозных сектах, принявших религиозную окраску для мимикрии, среди которых есть прямо преступные, извращающие даже воспитание наших детей. Пока мы слушаем строгие предупреждения, что Церковь должна быть отделена от школы, секты уже во множестве льются в наши школы под разными прикрытиями и переучивают на свой лад наше отрочество. Я получаю об этом тревожные жалобы и родителей, и учителей. Есть организации всемирных и всеобъемных денежных средств, например, так называемая "церковь Мун".

Однако надо признать, держа в памяти наше прошлое, что Церковь наша многие века была освобождена от реального духовного соревнования с другими конфессиями за души верующих. А способность к такому соревнованию утрачивать нельзя.

Есть и еще сторона в соревновании вероисповеданий, на которую мы, по общему принципу начинать исправления с самих себя, должны обратить сугубое внимание.

Вот русский баптизм. За эпоху боль-

«Русская мысль»

Александр Солженицын.

шевистского лихолетья, когда Православная Церковь была полностью запрещена, баптисты приобрели столь большой успех среди русского населения, какого и сравнимо не было у них раньше. Они отнюдь не использовали грубых приемов иных западных сектантских проповедников. Не опирают моральных призывов на доводы расчета, не используют и шаблонные рекламы. Они поистине ищут смиренности, а евангельскую проповедь ведут для соотечественников на простом, доступном русском языке и при полной сознательной связи с современностью. Тут мы должны увидеть для нашей Церкви предупредительный урок. И еще особенный поворот вопроса в том, что русские баптисты — наши единокровные соплеменники, в обычной жизни это обычные русские люди.

Вхождение в веру и национальные характеристики

Если мы порой используем термин "национально-религиозный нравственный идеал" и это правомерно, то надо охватывать и все выводы отсюда. Никто из нас не может войти в веру иначе, чем неся с собой свой индивидуальный душевный комплекс, и только уже устойчивым и развитым своим верой пытается обогатить его и возвысить.

Так и мы не можем войти в веру иначе, нежели неся с собой наши национальные характеристики и мироучивания, только в христианской вере возвысит их. Никак не правы те, кто говорит: станьте просто христианами и забудьте о своей нации. Это и не осуществимо, и попирает неведомый нам Господень замысел о нациях. Приводим повод: ведь сказано в Евангелии: "несть эллина и иудей", однако изречение это имеет в Евангелии и продолжение: "несть женского пола и мужского", а значит, вся мысль Нового Завета не должна быть понята столь примитивно.

За последние почти столетие уничтожения, пленности, страдальчества нашей Церкви мы были лишены простора естественного развития. Человечество совершило в понятиях и бытии несколько стремительных прыжков-переворотов, и мы теперь должны не просто подняться на ноги, но и не упустить влияния на наш столь изменившийся народ. Большинство нашего народа, как, впрочем, большинство современного человечества, — это новые язычники, вход к ним с христианским проповедью труднее, чем к язычникам античного времени. Нынешние язычники либо нахватались верховных идей философов, наук, либо даже изощрены в них и во всяком беседнике естественно претендуют встретить уровень не меньший.

За последние полтора года на многочисленных публичных встречах в России мне не раз приходилось слышать от соотечественников фразы, подобные такой: "Да, мы, конечно, за духовное и нравственное возрождение России, но не через Церковь, она обращает нас в прошлое". Многие русские люди сегодня либо чуждаются традиционного православного богослужения, либо вообще не принимают христианского мировоззрения. Есть и не такие случаи: бывавая в храме несколько раз, современный человек отвергает Церковь больше, чем если бы не переступил и порога. И как же говорить с ними православным проповедником? Чтобы иметь успех, нельзя выступать с беспресловутой диктовкой: "Перестройте ваше сознание и будьте как мы, подражайте нам".

Письмо из областного города

Из одного областного города я получил вот уже не первое письмо от своего давнего корреспондента (он писал мне еще в Америку). Он, преподаватель средней школы, рассказывает о свежем опыте беседы, который произвело епархиальное руководство, устроило встречу священников и студентов Православного университета, с одной стороны, и учителей городских школ — с другой. Могут зачитать из его письма:

"Мы, в большинстве учителя истории и литературы, пришли на встречу с огромным вниманием и желанием если не войти в Церковь, то во всяком случае приблизиться к вере, но результат и наше общее впечатление от мероприятия оказались неожиданными для нас самих. Нас всех что-то оттолкнуло, разочаровало. Владыка, по мироощущению — настоящий борец за православную веру, объяснял нам сущность ее энергично и прямо: "Это огромное счастье быть православным и верить в Христа, быть с Ним и в Церкви. Нет в мире ничего такого, что могло бы сравниться с этим чувством", и его искреннее глубокое чувство выплеснулось как бы в отчаянии от сегодняшней тяжелой для Церкви обстановки. Однако его помощники, принявшие сан сравнительно недавно, произвели удручающее впечатление. Какие-то вялые, не уверенные в том, что говорят. Они, а также студенты, оказались во многом некомпетентными толкователями. Безусловные знатоки молитв, всей служебной и литургической стороны Церкви, они, однако, не проявили столь глубочайших гуманитарных знаний, связи с историей, литературой, религиозной философией. По богословию не могли ответить на дотошные вопросы школьных учителей. Чувствуется, что Церковь сегодня очень слаба составом. Некоторые священники чаще отпугивают от веры, чем привлекают к ней".

И еще такую деталь он приводит дальше: "Мы, учителя, привыкли в школе говорить громко и внятно, эмоционально, иначе не завладеешь аудиторией. А у выступавших священников речь тихая и едва слышимая, даже при полной тишине

не в зале. Да, учителя — терпеливые люди, они будут слушать не прерывая и молча все, что им говорят, даже если с чем-то не согласны. Но попробуйте подобным образом поговорить с рабочей аудиторией, которая собирается ныне исключительно по поводу зарплаты! Засмеют, зашатают, не захотят выслушать и понять".

И заключает: "Эта встреча убедила меня, что в ближайшие годы массового воцерковления народа не произойдет. И все возбужденные несколько лет назад разговоры о религиозном ренессансе, о переполнении храмов — только благие пожелания. Никто из моего круга не останется в безрелигиозном состоянии, многие часто уходят в инославие, в секты не потому, что им так нравятся баптисты, а потому, что Православная Церковь кажется им косной, архаичной, громоздкой, как будто лишасей самостоятельности на пути к Богу".

Вот такая обобщенная разобщенность: священники — там, сами по себе, а мы — здесь и отвергаем непроверенное нашим разумом.

Чтобы быть внятными для современников, надо говорить на их языке

Очень понимаю эту трудность объясниться и быть понятым ныне в области религиозных размышлений. Предлагаю мой малый опыт. В "Красном Колесе" я написал несколько религиозных и церковных глав, но над каждым абзацем, над каждой строчкой я старался ощущать и видеть читателя только современного, не смея допустить выражений догматическо-вещательных или говорить языком уже отошедшей поры. Что поделять, мы живем в этом труднейшем времени, после десятилетий грубейшего восприятия, вследствие жизни уже поновому ожесточившемся в последние годы.

Мы обязаны напрячься и понять современное безбожное сознание и в его самоуверенности, и в его неуверенности, и искать, искать все возможные точки наших положительных контактов с ним. Мы обязаны учиться разговаривать

и с полными атеистами, и с ищущими веры, без самодовольства единственных хранителей истины. И на языке, который приемлем для современников, не отталкивает их. Рассылать суть их вопросов и давать им ответ в формулировках соответствующем развитию сегодняшнего человека. Вот тут пригодится исконная православная традиция личностного воздействия.

Да, православному духовенству еще много понадобится усилий, чтобы утвердиться за собой авторитет духовного правителя масс. И надо крайне остерегаться самим и удерживать тех, кто в поведении отдается воинствующему антикультурному направлению, да еще с повторением прежде усвоенных приемов тоталитарной эпохи. Но как же нам после высших достижений православной мысли в XX веке позволить себе отделиться от них и опуститься ниже!

20 лет назад в обширном письме к 3-му Собору Зарубежной Русской Православной Церкви мне пришлось напомнить, что всякое состояние, чтобы удерживать свои позиции не искаженными, должно развиваться во времени. Это справедливо во многих исторических ситуациях, это вполне относится и к сегодняшнему положению Русской Православной Церкви, несколько не колебля ее основ.

Православному миропониманию надо искать и доводы, и формы, и действия, внятные нашим современникам-соотечественникам. Да и как можно спорить с абсолютной неизбежностью какого-то обновления форм и обрядов богослужения? Кто бы в раскольном споре XVII века предсказал, что именно мы — наследники тогдашних победителей, говоривших: "Нет ничего страшного в естественном изменении обрядов", — через три века скажем: "Нет, никаких изменений не допустим". В какой-то степени неизбежно обновлять не только язык воззваний к внешнему миру, язык проповедей, но и сам язык богослужений. Архиерейский собор 1994 года выразил согласие и с этим: "Продолжать изыскание Поместным собором 1917 года намерение по упорядочению богослужебной практики и редактированию церковных текстов".

Не мыслю себя призванным к решительному суждению о вопросах столь важных для Церкви, но, по общему праву всякого рядового мирянина, сузу на основе собственного многолетнего опыта. Сам язык богослужения настоятельно требует ошутимого обновления за счет перехода в ряде мест с церковнославянского языка к русскому, при значительном сохранении и церковнославянской торжественности. Однако этот труд не может быть выполнен только на основе квалифицированного богословия. Такое освежение богослужебного языка есть труд и богодохновенный, и поэтический, требующий гениального чувства обоих языков.

Религия и народное образование

Из нынешней душевной потерянности в нашей стране, как и шире, из духовной затменности нашего мира, решающим путем видится образование отрочества и юности; ему-то в основном и посвящены наши чтения.

Будущее православного образования при городских воскресных школах, православных гимназиях существенно зависит от того, насколько наши священники окажутся не только прочно эрудированными в образовательных предметах, но умелыми педагогами, чуткими и к сегодняшней психологически непростой юношеской аудитории.

Однако, обезбавая российские области, я узнавал, что воскресные школы устроятся далеко не везде и с немалым трудом. Да и самая общая постановка и цель школьного образования сегодня не определены четко. Каковы же их задачи? Какою умению России мы хотим высветлить из растущих граждан? А с христианской точки зрения — не можем же мы отдавать образование простому закладыванию суммы знаний, некоему компьютерному потоку, с безразличием к душевному созреванию ученика.

Но какие меры могут внести в школу воспитание религиозное и духовное? Они должны быть гибкими и доходчивыми в чертовых условиях, которые ставит перед нами век. Промелькнул и

циркуляр российского министерства просвещения: недопустимо религиозное воспитание в школах в боевых формах.

Сегодня в системе общеобразовательных школ совсем не лучшим, а скорее сильно упрощенным выходом было бы настаивать на прямом преподавании Закона Божьего как отдельного предмета. Христианское мировосприятие скорее, естественнее всего вошло бы в души учеников через охватывающую атмосферу упования. Не только предметом гуманитарного и эстетического цикла, не только через хрестоматию по литературе и истории, через уроки психологии, а также и через преподавание цикла естественных наук. Я согласен с игуменом Иоанном Экономцевым, как это преподавание провести. Ведь можно создавать учащимся либо ощущение своего гармонического родства с природным миром, либо позитивистского надмения над ним.

Общая система образования в России, наряду с непрменной цельностью, сохранением культурного единства государства, должна обладать и свободной вариативностью и разнообразием школьных устройств. И родители должны иметь право выбирать учебные заведения в соответствии со своими убеждениями. В некоторой мере здесь пособат и негосударственные школы, если преодолеют организационные и финансовые трудности.

Я думаю, наше совещание, собравшее неравнодушных тружеников школьного поля, услышит много практических соображений, как именно осуществлять православное воспитание юношества, терпеливо готовить оздоровление всей духовной атмосферы России.

АЛЕКСАНДР СОЛЖЕНИЦЫН

Печатается по магнитофонной записи.

Подзаголовки даны редакцией.